

ШЛИК (Schlick) Мориц (1882—1936, застрелен бывшим своим студентом психопатом на лестнице в здании университета) — австрийский философ, физик и логик. Диссертация по физике под руководством М.Планка (1904).

Профессор в Ростоке и Киле (1911—1922), Вене (с 1922), в Калифорнийском университете (1931—1932), ведущий представитель раннего этапа логического позитивизма, основатель и председатель Венского кружка. Основные работы: «Пространство и время в современной физике» (1917), «Всеобщая теория познания» (1918), «Вопросы этики» (1930), «Позитивизм и реализм» (1932), «Природа и культура» (1952) и др. В 1938 было издано собрание сочинений Ш. Неопозитивистская программа анализа знания, разработанная Ш. в фундаментальном труде «Всеобщая теория познания», претерпела впоследствии весьма своеобразную эволюцию: формально совершенствуясь, она значительно упростилась в своей англоязычной версии. Свою философскую концепцию Ш. именовал «последовательным эмпиризмом», к которому он пришел, отказавшись (под влиянием

Карнапа и Витгенштейна) от критического реализма. Отталкиваясь от исходного понимания «знания», Ш. обрисовал разнообразные практики употребления данного термина, а также проанализировал соответствующие им познавательные процедуры. Ш. основывается на понятии «чувственно данного» — чувственного переживания познающей личности. Все научное знание, по Ш., — обобщение и уплотнение «чувственно данного», определение структурных отношений чувственного опыта, выявление повторяемости в нем порядка.

С точки зрения Ш., между логикой и опытом нет никакого антагонизма; логик не только может быть одновременно эмпиристом, но должен им быть, если хочет понять собственную деятельность. («События, насчет которых мы теперь утверждаем, что они были две секунды назад, при дополнительной проверке могут быть объявлены галлюцинацией, или вовсе не происходившими», — писал Ш.) Согласно Ш., проблема познания сущности бытия бессмысленна, ибо предмет философии — не искание истины, но «исследование значения». При этом, — настаивал Ш., — прояснение значения не может иметь форму высказывания; «в метафизике же, — по мнению Ш., — имеют место лишь псевдопредложения — звучные, но совершенно бессмысленные слова». Законы природы, с точки зрения Ш., формальные правила, определяемые синтаксисом того языка, на котором производится описание природы. Инвариантом самых различных познавательных практик Ш. полагал сопоставление имен и предметов, которое в науке реализуется в виде образования емких знаковых систем, выражающих многообразие предметных отношений. Ш. отрицательно относился к психологизму, усматривая, тем не менее (в отличие от Гуссерля), перспективной основой

общей теории познания не трансцендентальную феноменологию, а общую теорию знаков. Придерживаясь концепции «понятийных функций», способных реализовываться посредством слов, понятий и представлений, Ш. видел в качестве высшего способа их конституирования — знаковую форму. Достоинствами знаковой трактовки понятий Ш. считал сопряженное с ней отсутствие необходимости в поисках «идеальных сущностей»: процесс познания тем самым сводился к направляемой динамике отношений между реально существующими вещами и материально репрезентируемыми знаковыми совокупностями. Не считая нужным акцентировать внимание на феноменологических программах, опирающихся на образные механизмы познания, Ш. отдавал предпочтение гильбертовской программе формализации геометрии, в границах которой недифинируемые («очевидные») положения замещаются формальными аксиомами.

Базисом наук Ш. предлагал считать не предложения констатирующего, «протокольного» типа, а «констатации» («beobachtungssatze») — акты сознания познающей личности в моменты времени, предшествующие окончательной фиксации «предложений протокольного характера». Так, Ш. подчеркивал: «А детерминирует В» означает только то, что В может быть высчитано на основании А. Это, в свою очередь, означает, что существует некая общая формула, утверждающая, что В возникает во всех случаях, когда начальные условия А получают определенные значения, и, дополнительно устанавливается некоторое конкретное значение для переменной времени... Таким образом, термин «детерминировано» означает то же самое, что и «предсказуемо» или «может быть предварительно рассчитано». Согласно Ш., «первоначально под «протокольными предложениями» понимались, как это видно из самого наименования, те предложения, которые выражают факты абсолютно просто, без какого-либо их переделывания, изменения или добавления к ним чего-либо еще, — факты, поиском которых занимается всякая наука и которые предшествуют всякому познанию и всякому суждению о мире.

Бессмысленно говорить о недостоверных фактах. Только утверждения, только наши знания могут быть недостоверными. Поэтому, если нам удастся выразить факты в «протокольных предложениях», без какого-либо искажения, то они станут, наверное, абсолютно несомненными отправными точками знания». Суждения, по Ш., также могут интерпретироваться как особый знак. Согласно Ш., в суждениях фиксируется не тождество, а связь предикатов (например, в суждении «снег белый и холодный» предикаты «белый» и «холодный» соединены; если понимать понятия как особые идеальные сущности — такое соединение неосуществимо). В таком контексте Ш. предлагал переосмыслить также и статус истины: считать ее «соответствием» знания о предмете с самим предметом, по Ш., весьма затруднительно, ибо представители эмпиризма видят ее как «отражение», а феноменологи — как «переживание очевидности». По мысли Ш., точнее говорить не о «соответствии», а об однозначном совпадении предметов и сопряженных с ними знаков.

Поскольку такое «однозначное совпадение» суть формальное отношение (а не реальная связь), постольку познание есть «обозначение» (а не «отражение» или «переживание»). Ложность же суждений, с точки зрения Ш., установима в таком случае посредством использования критерия однозначности. (В рамках этого концепта Ш. снял сложный вопрос об «удвоении» предмета на образ и оригинал.) Конструктивное преодоление «образной» модели организации знания позволило Ш. весьма логично описать природу аналитических высказываний.

По его мнению, из того, что в процедурах познания эти высказывания первичны по отношению именно к понятиям (а не к вещам или образам), органично вытекает следующее: аналитические суждения и конвенциональные определения суть системные, упорядочивающие правила, которые фундируют процедуры объединения признаков в понятия, понятий — в суждения, а суждений — в теорию. (Так называемые «рациональные истины», включая высказывания логики и математики, также имеют, согласно Ш., чисто аналитический характер: они суть тавтологии или схемы рассуждений, а не реальные знания о мире; они не дают возможности проникнуть в неощущаемую реальность.) Проблему априорных синтетических высказываний Ш. полагал «псевдопроблемой», т.к. она, с его точки зрения, следует из гипотезы о тождестве познающего и познаваемого. Ш. акцентирование (в отличие от Бергсона и Гуссерля) разводит познание и его предмет: постижение «красного» у Ш. — это не «переживание», а сопоставление указанного цвета с другими цветами, установление соответствующих отношений и связей. Как и Гуссерль, Ш. полагал высокоактуальной проблему преодоления дилеммы логизма и психологизма, категорически отвергая при этом процедуру наделения логического особой «бытийностью». В то же время Ш. был убежден в том, что «переживать» можно лишь «внутреннее», но отнюдь не внешнее; «вживание» в вещи или понятия, по Ш., немислимо. Теория «идеации» Гуссерля поэтому не казалась ему убедительной. Ш. принимал идею феноменологов о том, что в представлении нечто является представляемым, а в восприятии — нечто воспринимается, но, согласно Ш., «переживание» реальных и идеальных предметов в данном контексте неразводимо. Термин «интенциональность» ввиду этого оценивался Ш. как избыточный. В границах гуссерлианской схемы различения психологических переживаний («ноэзисы») и их идеальных инвариантов («ноэмы») и сопряженной с ней трактовки познания как взаимодействия «ноэзисов» и «ноэм» (рассматривая здание с различных дистанций и с разнообразных точек зрения, индивид убежден, что это все то же здание) Ш. полагал, что определенная некорректность психических восприятий не препятствует их роли носителей точных понятий.

Угольник, как и психика человека, подчинен особым природным закономерностям, что вовсе не результируется для правил геометрии в зависимость от последних. Правила геометрии, арифметики, механики абсолютно точны вне известной условности показаний приборов, измерительных инструментов и т.д. Ш. одним из первых сформулировал принцип верифицируемости (все истинно научное знание должно быть редуцировано к «чувственно данному», «значением выражения является

метод его верификации"). Осмысление значения через его "сводимость к опыту"; Ш. представлял так: "Для понимания высказывания мы должны обладать способностью точно указывать те конкретные обстоятельства, при которых это высказывание было бы истинным, и те конкретные обстоятельства, при которых оно было бы ложным. "

;Обстоятельства" означают данные опыта; стало быть, опыт определяет истинность и ложность высказываний, опыт "верифицирует" высказывания, а потому критерием решения проблемы выступает ее сводимость к возможному опыту". Для Ш. "опыт" суть состояние моего сознания, изначально не данного как "мое";, т.к. (ср. со схемой неокантианства) "я" само строится из опыта — лишь в процессе анализа обнаружимо, что это состояние сознания является исключительно моим. Тем самым, "верифицируемость опытом" сводима к верифицируемости ментальными состояниями, которые способен иметь я один. В итоге бессмысленно говорить о том, что кто-то иной может знать значение высказывания, верифицированного моим опытом. Ш. пытался прояснить это так: "Каждый наблюдатель вносит свое содержание... тем самым присваивая символам уникальное значение, и он заполняет структуру содержанием так же, как ребенок раскрашивает рисунок, где нанесены только контуры". (Подобная трактовка содержания немедленно была охарактеризована коллегами Ш. по логическому позитивизму как "метафизическая".) Возможный логический алгоритм осуществления процедуры верификации Ш. характеризовал так: для того, чтобы верифицировать суждение А, необходимо вывести из него посредством истинных суждений А1, А2, А3, Ак — последовательную цепочку суждений А1, А2, А3, Ак. Последний член этой последовательности должен являться суждением типа "... в таком-то месте, в такое-то время, при таких-то обстоятельствах переживается или наблюдается то-то". Согласно Ш., "наука делает предсказания, которые опыт проверяет.

Ее существенной функцией является предсказание. Она говорит, к примеру: "Если в такое-то и такое-то время вы посмотрите в телескоп, направленный туда-то и туда-то, вы увидите, что световая точка (звезда) пересеклась с черной рисккой (перекрестием)". Допустим, что, выполняя эти инструкции, мы действительно сталкиваемся с предсказанным опытом. Это означает, что мы получаем предвиденную констатацию, мы высказываем ожидаемое суждение наблюдения, мы получаем тем самым ощущение свершения, особого удовлетворения... Когда предсказание подтверждено, цель науки достигнута: радость познания есть радость верификации". (Хотя принцип верифицируемости был выдвинут как метод установления значения высказывания, в описании Ш. он трансформировался в метод определения слова.

Справедливости ради, отметим: сам Ш. рассматривал принцип верифицируемости в

качестве трюизма, не сообщающего нам ничего принципиально нового.) Интересуясь не только вопросами философии науки, но также и проблемами этики, Ш. разграничивал «переживание» и «познание», полагая, что познаваемые нами законы не могут предписывать людям тот или иной порядок действий, а, следовательно, не ограничивают человеческую свободу. Детерминантами поведения индивида Ш. считал чувства желания или нежелания, в идеале же — которым, по Ш., выступает состояние игры — человек действует без принуждения, ощущая чувство подлинной радости.

А.А. Грицанов